

ГЕНДЕРНАЯ НЕКОНФОРМНОСТЬ ПОДРОСТКОВ В ПРОЕКТЕ «ДЕТИ 404»

В условиях современного неоконсервативного поворота в России дети и подростки оказались в центре внимания: Роскомнадзор¹ фильтрует интернет от вредной для детей информации, все продукты культуры и события получают возрастные маркировки, ради блага несовершеннолетних запрещается «пропаганда гомосексуализма». Законы, в последней федеральной редакции запрещающие «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», конструируют детей и подростков как априори гетеросексуальных субъектов, требующих защиты от «пропаганды», которая и является источником «гомосексуализма»². Хотя эти законы производят широкое нормирование сексуальности, риторическое использование заботы о несовершеннолетних для обоснования этих запретов делает именно подростковую сексуальность предметом дискурсивных манипуляций и регулирования: подросткам предписана гетеросексуальность и цисгендерность, на подростковую ЛГБТ+ сексуальность налагается дискурсивный запрет — негетеросексуальных и трансгендерных детей якобы не существует³.

Проект «Дети 404» реагирует на умолчание подростковой ЛГБТ+ сексуальности в России. Отправленные в адрес проекта и опубликованные на его сайте и в социальных сетях письма рассказывают истории ЛГБТ+

1 Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

2 См.: Н. Горбачев. Производство нормативности в дискурсе запрета «пропаганды гомосексуализма». *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*. Санкт-Петербург, 2014. С. 86-100.

3 См.: Н. Горбачев. Спасая детей от «пропаганды гомосексуализма». *Женщины в политике: новые подходы к политическому*, 2013. № 3, С. 72-78.

подростков⁴. Это не только делает их видимыми, но и конструирует определенное представление о подростковой ЛГБТ+ сексуальности в России. Опосредованные через письмо, редактуру и публикацию проектом «Дети 404», индивидуальные нарративы подростков производят дискурс, не только репрезентирующий подростковую ЛГБТ+ сексуальность, но и конструирующий ее: определяющий групповые идентичности и производящий паттерны для идентификации с ними.

Эта статья основана на проведенном в 2015 г. исследовании влияния проекта «Дети 404» на подростковую ЛГБТ+ сексуальность в России и производство конкретных ЛГБТ+ идентичностей. В рамках исследования любая сексуальность (в том числе и гетеросексуальность) и гендерная идентичность рассматриваются как социальный конструкт. Выборка для проведенного исследования формировалась случайным образом из числа публикаций проекта «Дети 404», рассказывающих индивидуальные истории негетеросексуальных детей и подростков младше 18 лет из России. Количество публикаций, в которых бы артикулировались непосредственно трансгендерные идентичности, оказалось крайне мало. Нарращивание выборки не привело к увеличению числа таких публикаций, что не дает возможности сделать вывод о том, как трансгендерность концептуализируется в дискурсе проекта «Дети 404». Скорее малое количество трансгендерных историй позволяет говорить о (вос)производимом в отношении трансгендерности умолчании. Такой вывод, однако, был бы поспешным без более внимательного взгляда на дискурс проекта в целом и на поднимаемые им вопросы о гендерной (не)нормативности в частности.

Многие публикации проекта обращаются к рефлексии гендерной нормативности. Чаще всего это происходит посредством описания увлечений и внешнего вида, предписываемых мальчикам или девочкам:

«С самого рождения больше тяготела к обществу мальчиков, мне нравилось ездить на рыбалку, ходить в гаражи, играть в футбол и баскетбол (надо сказать и сейчас обожаю все это делать), ну и в том же духе»⁵.

4 См. страницу проекта в социальной сети «Фейсбук»: www.facebook.com/children.404 (посещение 09.02.17).

5 Проект Дети-404. ЛГБТ-подростки. Важно успеть переждать бурю... 19.08.13. www.vk.com/deti404_vk?w=wall-52449121_3325 (посещение 09.02.17).

«... я гей. Понял я это уже давно. Лет в семь меня тянуло играть с девочками в куклы и общаться с ними. В 9 лет я понял, что мне нравятся мальчики»⁶.

Как правило, публикации проблематизируют не саму норму, но несоответствие ей: мальчики должны играть в футбол, а девочки с куклами — если это не так, следует искать причины и следствия. Гендерные нормы таким образом эссенциализируются, гетеронормативность воспроизводится, а дискурсивно противопоставляемые им ЛГБТ+ сексуальности оказываются ненормативными. Гендерная неконформность⁷ конструируется одновременно и в качестве причины рефлексии инаковости, и в качестве проблематизации сексуальной идентичности подростками, а также функционирует в дискурсе проекта «Дети 404» как свидетельство негетеросексуальности.

Лишь несколько публикаций используют гендерную неконформность для проблематизации гендерной идентичности, а не сексуальной ориентации. В большинстве случаев гендерная неконформность используется как основание для производства гомосексуальных цисгендерных идентичностей: фемининность мальчиков концептуализируется в составе гей-идентичности, а маскулинность девочек — в составе идентичности лесбиянок.

«Веду себя, как девушка. Походка, манеры, интонация — как у девочки. Ну прям типичный гей»⁸.

Австралийская социологиня Рейвин Коннелл считает, что патриархальная культура интерпретирует мужскую гомосексуальность как недостаток маскулинности, объясняя это культурной установкой, которая противопоставляет сексуальность и влечение: «Если маскулинность является для человека привлекательной, такой человек должен

6 Проект Дети-404. ЛГБТ-подростки. Я боюсь, что меня будут гнобить всю мою жизнь. 15.03.14. www.vk.com/deti404_vk?w=wall-52449121_26887 (посещение 09.02.17).

7 Здесь и далее под гендерной неконформностью я подразумеваю рефлекслируемое несоответствие нормативным гендерным предписаниям вне зависимости от того, сопровождается ли оно описанием дискомфорта (гендерной дисфории), рефлексией о гендерной идентичности, трансгендерности.

8 Проект Дети-404. ЛГБТ-подростки. Здравствуйте, дети-404. 02.10.13. www.vk.com/deti404_vk?w=wall-52449121_4758 (посещение 09.02.17).

быть женственным — если не телесно, то по крайней мере ментально»⁹. Американская философия Джудит Батлер называет такую установку гетеросексуальной матрицей, в которой желание быть и иметь всегда должны быть различны и противоположны¹⁰. Французский философ Мишель Фуко описывал гомосексуальность как «гермафродитизм души»¹¹, что американская культурологиня Ив Кософски Седжвик назвала инверсионной моделью. Указывая на культурную специфичность и историческую изменчивость, она считает ошибочным поиск универсального определения гомосексуальности, настаивая на множественности и разнообразии гомосексуальностей¹².

Инверсионный подход не является единственным, используемым для концептуализации гомосексуальности в дискурсе проекта «Дети 404»: некоторые публикации вовсе не обращаются к рефлексии фемининности/маскулинности и фокусируются на иных аспектах сексуальности. Тем не менее, этот подход встречается очень часто и воспроизводится некритически. Если публикации обращаются к рефлексии гендерной неконформности, в подавляющем большинстве случаев она концептуализируется в составе гомосексуальных, а не трансгендерных идентичностей.

Американский исследователь Джек (Джудит) Хальберстам, демонстрируя, как схожие формы гендерной неконформности могут функционировать как в гомосексуальных, так и в трансгендерных идентичностях, указывает на размытость границ между ними¹³. Он также отмечает:

Размышляя о таких гендерных вариациях как мужская фемининность и женская маскулинность, важно избегать создания еще одной бинарности, в которой маскулинность всегда символизирует власть; в альтернативных моделях гендерной вариативности, женская маскулинность ни противопоставляется женской фемининности, ни является женской версией мужской маскулинности¹⁴.

9 R.W. Connell. *Masculinities*. University of California Press, 2005. Здесь и далее перевод автора.

10 J. Butler. *Imitation and Gender Insubordination // The lesbian and gay studies reader*. 1993. P. 307-320.

11 М. Фуко. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Москва: Касталь, 1996. С. 141.

12 E.K. Sedgwick. *Epistemology of the closet*. Berkeley. University of California Press, 1990.

13 J. Halberstam. *Female masculinity*. Duke University Press, 1998.

14 Ibid.

Рефлексия гендерной вариативности в дискурсе проекта «Дети 404» практически отсутствует, а последовательная концептуализация гендерной неконформности как свойства гомосексуальности ведет к дискурсивному умолчанию трансгендерности. Многие публикации описывают скорее процесс сексуальной идентификации, чем устоявшуюся сексуальную идентичность. Опубликованные истории стремятся не только заявить о сексуальности автора, но объяснить и подтвердить ее: нарративы ищут аргументы и доказательства для преодоления режима предписываемой гетеросексуальности.

Часто публикации обращаются к периоду раннего детства, описывая поведение и интересы, не соответствующие нормативным гендерным предписаниям. В воспоминаниях детства подростки ищут истоки сексуальности и подтверждение права на идентичность: гендерная неконформность в период нерефлексируемой сексуальности раннего детства используется как объяснение и подтверждение негетеросексуальности.

Рефлексируя гетеронормативное давление, публикации описывают сложности преодоления режима предписываемой гетеросексуальности, в связи с чем зачастую конструируют бисексуальность как переходный этап в процессе производства гомосексуальных идентичностей. С учетом вышесказанного можно предполагать, что некоторые нарративы, артикулирующие гендерную неконформность в составе гомосексуальных идентичностей, также описывают переходный этап, не получивший пока своего развития. По крайней мере, одна из попавших в выборку публикаций описывает именно такой случай:

«Вообще, моя самоидентификация проходила в несколько этапов. Первым из них был камин-аут лучшему другу в бисексуальности, другой реакции, кроме как понимания, я и не ждал, мы были родственными душами. Потом, через несколько месяцев, он тоже вышел из шкафа, и тогда я ему признался, что мне нравятся только мальчики. <...> Все равно на протяжении всей жизни я чувствовал дискомфорт от своей гендерной роли, и появление транссексуального персонажа в любимом сериале стало последней каплей, и именно тогда я стала идентифицировать себя как девушку. <...> ... когда я не девушка, я выгляжу как манерный гей»¹⁵.

¹⁵ Проект Дети-404. ЛГБТ-подростки. Я рад, что у меня такая большая семья, — это вы. 13.04.14. www.vk.com/deti404_vk?w=wall-52449121_31608 (посещение 09.02.17).

В данном примере бисексуальность конструируется в качестве переходной к гомосексуальности, которая в свою очередь является одним из этапов производства трансгендерной идентичности. Невозможность быть девушкой приводит к тому, что автор(ка) выглядит как «манерный гей» — это конструирует размытую границу между идентичностями.

Джек Халберстам указывает на сложные отношения между гомосексуальными и трансгендерными идентичностями, а также обращается к анализу примеров перемены идентичности. Он указывает, что «многие FtM идентифицируют себя как лесбиянки перед тем как начинают идентифицировать себя как транссексуалы (многие, следует также отметить, этого не делают)»¹⁶. Халберстам призывает избегать линейной модели сексуальности, в рамках которой FtM транссексуальность и трансгендерность рассматриваются как развитие лесбийской буч (*butch*) идентичности, или крайняя форма женской маскулинности. Однако, по мнению Халберстам, «многие трансгендерные мужчины, вполне возможно, успешно идентифицируются как буч в женских квир-сообществах до того как они решают совершить трансгендерный переход»¹⁷.

По моему мнению, в некоторых случаях артикуляция гендерной неконформности в составе гомосексуальных идентичностей может быть как раз примером такой успешной или вынужденной, но временной идентификации. Это, разумеется, не означает, что гендерная неконформность является исключительно свойством трансгендерных идентичностей, а фемининные мужчины или маскулинные женщины рано или поздно должны совершить трансгендерный переход. Тем не менее, я считаю, что определенные обстоятельства могут препятствовать производству трансгендерных идентичностей.

Приведенная выше цитата содержит пример другого существенного условия производства негетеросексуальной идентичности: речь идет о включении в дискурс о ЛГБТ+ сексуальности посредством конкретных идентичностей. Иными словами, для ЛГБТ+ идентификации необходимо знание о том, что такие идентичности существуют и характеризуются определенными признаками: невозможно назвать себя, например, трансгендерной женщиной, пока это понятие отсутствует в словаре или значение его неизвестно. Так, в приведенном выше отрывке производство

16 J. Halberstam. *Female masculinity*. Duke University Press, 1998.

17 Ibid.

трансгендерной идентичности происходит по паттерну «*транссексуального персонажа в любимом сериале*».

Проект «Дети 404» участвует в дискурсивном производстве сексуальных идентичностей, хотя, разумеется, является далеко не единственным участником этого процесса. Этот дискурс не только производит категории идентичностей, предназначенные выражать и описывать определенные сексуальности, но также и нормирует их содержимое: использовать любую из них означает соответствовать нормативным требованиям этой идентичности.

Джудит Батлер указывает на то, что сексуальность человека никогда не исчерпывается сексуальными практиками и тем более она не может быть описана или выражена доступными категориями идентичности¹⁸. Рассматривая категории идентичности как инструменты нормирующих режимов, она указывает:

Реализовать себя в условиях категории идентичности означает противопоставить себя сексуальности, на выражение которой эта категория претендует; и это верно для любой категории идентичности, стремящейся контролировать сам эротизм, который она претендует описывать и авторизовать, и в существенно меньшей степени «освободать»¹⁹.

В свою очередь, как отмечает Рейвин Коннелл, «выйти [из гомосексуального чулана — Н.Г.] на самом деле означает войти в уже конституированную гей-среду»²⁰.

Участники проекта «Дети 404» не только авторы писем и историй, но также и их читатели, которые в некоторых случаях находятся в процессе производства идентичности. Не находя точных категорий для описания собственной сексуальности среди доступных им дискурсов и в том числе дискурса проекта «Дети 404», они используют ближайшие из доступных альтернатив, тем самым подвергая себя и свои сексуальности нормирующему воздействию этих категорий.

18 J. Butler. *Imitation and Gender Insubordination. The lesbian and gay studies reader*. 1993. P. 307-320.

19 Ibid.

20 R.W. Connell. *Masculinities*. University of California Press, 2005.

Выбор доступных категорий всегда дискурсивно ограничен: в разное время разными культурами производятся различные наборы идентичностей. В случае с дискурсом проекта «Дети 404» верно сказать, что по состоянию на момент проведения исследования в 2015 г. трансгендерные идентичности в нем практически отсутствуют, а потому и возможности для их производства оказываются ограничены. Вместе с тем бисексуальные идентичности зачастую конструируются в качестве временных и переходных к гомосексуальным, а последние включают в себя элементы, которые могли бы служить основанием для производства трансгендерных идентичностей. Благодаря этому гомосексуальные идентичности оказываются в доминирующем положении не только по отношению к трансгендерным, но и к бисексуальным идентичностям, вследствие чего все разнообразие сексуальностей оказывается приведенным к единой норме.

Представляя однажды результаты этого исследования, я был обвинен в замалчивании трансгендерности. Отвечая, я апеллировал к выборке и невозможности сказать о трансгендерности больше при отсутствии достаточных эмпирических данных. Тот же аргумент можно использовать для объяснения умолчания трансгендерности в дискурсе проекта «Дети 404»: в его основе лежит публикация историй и писем подростков, а потому это следует рассматривать частью более широкого дискурса, следствием более глобальной проблемы. Одно из возможных объяснений можно предложить и на основании анализа публикаций проекта. Конструирование бисексуальности в качестве переходной идентичности происходит одновременно с рефлексией предписываемой гетеросексуальности. Как следствие, бисексуальность функционирует в качестве компромиссной идентичности, которая не выступает против предписаний гетеросексуального желания и вместе с тем допускает реализацию гомосексуального влечения. Бисексуальные идентичности конструируются как допустимые или, по крайней мере, менее ненормативные чем гомосексуальные.

По моему мнению, последовательное конструирование гендерной неконформности как характеристики гомосексуальных идентичностей является следствием исключительно высокой стигмы в отношении трансгендерности. Гендерная вариативность оказывается более стигматизированной, чем ненормативная сексуальность; предписание цисгендерности — более сильным, чем предписание гетеросексуальности;

трансгендерные идентичности — более ненормативными, чем гомосексуальные. В свою очередь, умолчание (отсутствие паттернов для идентификации) и стигма в отношении трансгендерных идентичностей объясняют отсутствие артикулирующих эти идентичности индивидуальных нарративов среди публикаций проекта «Дети 404».

Проблема, однако, кроется не только в стигматизации трансгендерности, но и в некритичном воспроизводстве нормативных гендерных предписаний. Обращаясь к рефлексии внешнего вида, поведения или увлечений, предписываемых мальчикам и девочкам, публикации практически никогда не проблематизируют нормы, не ставят их под сомнение. Напротив, они проблематизируют несоответствие им, тем самым воспроизводя гендерную нормативность.

Некритическое воспроизводство гендерных предписаний и стигматизация трансгендерности способствуют производству паттернов именно гомосексуальной идентификации гендерно-неконформными подростками: в ситуации, когда о трансгендерности ничего неизвестно, а несоответствие нормативным гендерным предписаниям ассоциировано с гомосексуальностью, идентификация гендерно-неконформного подростка неизбежно идет по единственно доступному сценарию.

С учетом рассмотренного выше нормирующего действия идентичности в отношении сексуальности можно утверждать, что дискурс о гомосексуальности оказывается доминирующим в производстве сексуальности подростков, не вписывающихся в рамки гетеронормативной сексуальности, в том числе сексуальности гендерно-неконформных подростков. Преодолевая режим предписываемой гетеросексуальности, негетеросексуальные подростки сталкиваются с иной нормой, которая, хотя и допускает реализацию их сексуальности, тем не менее, не освобождает ее от ограничений, но устанавливает альтернативные нормы и предписания.

Верно, что любые идентичности всегда нормативны и оказывают влияние на сексуальность; они никогда не служат исключительно выражением сексуальности, но всегда являются также инструментом ее ограничения и контроля. Однако до тех пор, пока сексуальности оказываются заложниками идентичностей, в рамках которых они находят свою реализацию, только разнообразие доступных и реально функционирующих категорий идентичностей может служить снижению социального и культурного нормирования и контроля сексуальности.

Решением проблемы (вос)производства умолчания трансгендерности является проблематизация отсутствия. Важно также выведение в дискурс других известных и новых категорий идентичностей. Кроме того, мне кажется необходимым критическое осмысление концепций гендера, сексуальной ориентации и идентичности, а также широкая проблематизация «нормы» через критику как гетеро-, так и лесби-, гей-, би- и транс-нормативностей, в чем может быть полезно обращение к дискурсу квир, производимому академическими, художественными и индивидуальными практиками.